

язвительную шутку. Фрост еще не понял, кто такой Твардовский и чем он занимается, он знал только, что Твардовский был вторым участником культурного обмена. Кто-то объяснил, что Твардовский — редактор “Нового мира”. Твардовский саркастически заметил: “Я не только сам поэт, но и душитель молодых поэтов”. Фроста очень позабавила редакторская самоирония, и спустя мгновение все решили, что это безобидная шутка. Некоторым из нас замечание показалось острым, потому что мы не могли не помнить, какую важную роль сыграл возглавляемый Твардовским “Новый мир” в раскрепощении литературного процесса в России. Когда вспоминаешь о том, что случилось с художниками и писателями в первую зиму после приезда Фроста, насмешливость Твардовского язвит еще сильнее.

Распорядительницы хотели обсудить перечень предполагаемых мероприятий, экскурсий, поездок и осмотров достопримечательностей. Перед отъездом из Вашингтона Фрост изъявил желание посетить родину Хрущева (село Калиновка Курской области) и имение Толстого Ясная Поляна. Когда мы разговаривали в самолете, выяснилось, что в действительности ему гораздо больше хочется видеть самого Хрущева, чем его родину, и что он предпочел бы читать стихи и разговаривать с живыми ведущими писателями, чем провести целый день в дороге и увидеть могилу Толстого. Мы все согласились, что Фрост слишком устал, чтобы сейчас куда-либо ехать или принимать какие-либо решения. “Утро вечера мудренее”, — сказали мы. “Желательно, если это возможно и удобно, — предложил я, — устроить завтра ужин у Чуковского или Паустовского, которых он очень хотел бы видеть”. Оба были пожилыми литераторами (один примерно на восемь, другой на пятнадцать лет младше Фроста) и пользовались большой славой — Чуковский как критик и детский писатель, Паустовский как крупнейший прозаик. Распорядительницы